

УДК 82-98; 801-731

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПЕСНОПЕНИЯ: ОПЫТ ЛИНГВО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Волкова Анна Геннадьевна

кандидат филологических наук,
проректор по научной работе,
доцент кафедры исторических
и церковно-практических дисциплин,
Калужская духовная семинария, Калуга
E-mail:kds-nauka@eparhia-kaluga.ru

Для цитирования: Волкова, А.Г. Рождественские песнопения: опыт лингво-культурологического анализа // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 208–214.

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению гимнографических текстов службы Рождеству Христову. Рассматриваются тексты тропаря, кондака, канона как опыт осмысления великого праздника. Среди основных поэтических приемов выделяется обратная перспектива – прием, имеющий и богословское значение: Рождество как добровольное самоумаление Бога. Подчеркивается мысль о том, что в песнопении представлены особенности христианской культуры: через язык, через особые поэтические средства выражается понимание евангельского события.

Ключевые слова: гимнография; канон; мученик; метафора; поэтика; Рождество Христово.

Гимнография как часть богослужения является опытом осмысления библейских событий, поэтому анализ гимнографических текстов представляет собой герменевтический опыт понимания не только богослужения, но и текста Священного Писания. В разнообразных гимнографических жанрах можно увидеть не только и не столько пересказ событий, уже известных из библейского, в

частности, евангельского текста, но и своеобразное осмысление, богословскую рецепцию и интерпретацию этих событий. Одна из причин такого герменевтического опыта песнопений – это лаконичность самого библейского текста, зачастую содержащего только констатацию фактов без какой-либо интерпретации. При филологическом анализе гимнографии, в частности, гимнографии великих двенадцатых праздников, интересны те поэтические средства, при помощи которых выражается эта интерпретация в песнопениях. Таким образом, языковой и образный исследования гимнографического текста могут привести к анализу культурологическому и вскрыть различные культурные смыслы, например, особенности восточнохристианской культуры в ее отличии от западнохристианской.

Среди поэтических средств, используемых в славяно-византийской гимнографии, чаще всего упоминаются антиномии, противопоставления, перечисления, использование образов Ветхого и Нового Заветов [1, с. 5; 3, с. 208]. Однако гимнографическое творчество скрывает еще ряд языковых и богословских особенностей, часто ускользающих от внимания. Одна из таких особенностей – особая организация текста, особое изображение в тексте какого-либо евангельского события. Эту текстовую организацию можно назвать «перспективой» или, точнее – «обратной перспективой». Описание обратной перспективы применительно к иконописи дает Б. Раушенбах: «...удаленное изображено в больших размерах, чем близкое, как будто вместо естественных перспективных сокращений по мере удаления от смотрящего принят противоестественный принцип перспективных увеличений» [4, с. 104]. П.А. Флоренский в своем исследовании об обратной перспективе в искусстве говорит об отражении реальности в изобразительном искусстве: «Что значит... изобразить некоторую реальность? Это значит привести точки воспринимаемого пространства в соответствие с точками некоторого другого пространства, в данном случае – плоскости...» [5, с. 67–70]. То есть в обратной перспективе удаленные предметы изображаются неестественно большого размера, а линии перспективы сходятся не вдали от зрителя, а наоборот – на самом зрителе. Впервые об обратной перспективе исследователи заговорили в связи с византийской и русской иконой, где молящийся является той самой точкой, на которой сходятся линии перспективы, в то

время как мир иконы, мир горний, куда вступает молящийся, изображается как расширяющийся. Явление обратной перспективы может быть применено и к искусству словесному, в частности, к православной гимнографии, которая часто напоминает словесную икону, как, например, песнопения Рождества Христова. Рассмотрим основные песнопения Рождественской службы в контексте лингвокультурологии.

Тропарь Рождеству Христову не атрибутирован конкретному автору, однако в нем уже намечается та зримость, иконографичность, которая отмечает рождественские песнопения:

Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума, в нем бо звездам служащи звездою учахуся, Тебе кланятися, Солнцу правды, и Тебе ведети с высоты востока, Господи, слава Тебе.

Тропарь праздника содержит ряд зрительных образов: это волхвы, как основные персонажи песнопения, это Рождественская звезда, точнее, ее свет, который освещает и указывает путь к истинному Солнцу Правды. Рождество – это тот праздник, в котором сходится земное и небесное, и именно в тропаре это показывается, хотя еще и имплицитно, неявно: с одной стороны, Рождество показано как явление вселенское (*возсия мирови свет разума* – свет разума воссиял всему миру). Однако, с другой стороны, здесь говорится об историческом событии, вполне конкретном, в котором участвовали конкретные персонажи (*звездам служащи* – те, кто служит звездам, то есть волхвы).

Далее рассмотрим кондак Рождеству Христову:

Дева днесь Пресущественнаго раждает, и земля вертеп Неприступному приносит, ангели с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествуют, нас бо ради родися Отроча Младо, Превечный Бог.

Современный рождественский кондак определяется как краткое песнопение, по своему характеру иногда настолько похожее на тропарь, что их сложно различить. Однако если тропарь – это изначально краткое песнопение, то кондак некогда был довольно пространством текстом: в частности, рождественский кондак представляет собой часть многострофного, то есть состоящего из множества строф, частей, кондака на Рождество Христово, написанного преп. Романом Сладкопевцем (V–VI вв.). Этот древний большой по

объему кондак состоял из кукулия (зачина) и икосов – строф. В качестве кондака в современном богослужении используется как раз только строфа-зачин из древнего кондака. Однако даже эта одна начальная строфа представляет собой как будто словесную икону праздника: с одной стороны, и в церковнославянском переводе, и в греческом оригинале, глаголы употребляются только в настоящем времени (*рождает, приносит, путешествуют*). Кроме того, в кондаке создается картина события вселенского масштаба: Дева рождает Бога (*Пресущественнаго*, то есть превышающего всякую сущность), и все вокруг подносит Ему дары: земля – *вертеп* (пещеру), ангелы и пастухи – славословия, волхвы – еще в пути, но и они изображаются на этой словесной иконе, в центре которой – *Отроча Младо* (Младенец). Все участники евангельского события, даже те, кто еще не рядом со Христом – волхвы – изображаются в одном пространстве, так же как и на иконе все последовательные события изображаются рядом друг с другом, словно они происходят одновременно.

Жанр канона в его современном виде представляет собой также обширную форму для интерпретаций. Исполняясь на утрени, канон является важной частью богослужения и включает в себе значимые догматические и вообще богословские моменты. Существует два канона Рождеству Христову: один из них был написан преп. Иоанном Дамаскиным (VIII в.), известным богословом и гимнографом, второй – преп. Космой Маюмским, сподвижником Дамаскина (по преданию, преп. Косма приходился преп. Иоанну Дамаскину братом). В современном рождественском богослужении остался как раз второй канон преп. Космы, а из канона Дамаскина употребляется только задостойник, по которому можно понять, насколько сложен язык этого первого канона. Канон преп. Космы также очень художественный: в нем предстают зримые образы, написанные словом.

Например, седьмая песнь праздничного канона показывает, как событие Рождества было явлено пастухам (цитируются первый и второй тропари песни):

Песнь 7 [2]:

Пастырие свиряюще, ужасно светоявление получиша: слава бо Господня облиста их, и Ангел, воспойте, вопия: яко родися Христос, отцев Бог Благословенный.

Внезапу со словом Ангеловым небесныя воинства, слава, вопияху, Богу в вышних, на земли мир, в человецех благоволение: Христос возсия, отцев Бог Благословенный.

Вновь в гимнографическом тексте соединяются две реальности – мир дольний, земной, и мир горний, небесный: пастухам, игравшим на свирелях, вдруг является ослепительный свет (*ужасно светоявление*). Внезапность этого явления эксплицитно обозначена в тексте канона (*внезапу...небесныя воинства вопияху*). Прием обратной перспективы здесь предстает не в полную силу, однако прослеживается: небеса сужаются до земли, сияющие ангелы являются простым пастухам, то есть именно земной мир становится точкой, в которой сходятся все линии этой картины, этого события. Этот прием имеет особое значение: самоумаление Бога, его схождение на землю показано как событие вселенского масштаба – Небо сходит на землю, и вся земля сужается до одной точки – того самого вертепа, где находится Младенец Христос.

Ирмос последней, девятой песни очень напоминает уже цитировавшийся кондак:

Таинство славное вижу и преславное; небо – вертеп; Престол Херувимский – Дева; ясли – вместилище, в нихже возлеже невместимый Христос Бог, Егоже воспевающее, величаем.

В данном случае в гимнографическом тексте происходит то, о чем говорил П.А. Флоренский: небесная реальность соприкасается с земной реальностью, так как Сам Господь воплощается, вочеловечивается. Поэтому в этом ирмосе обратная перспектива помогает показать кенозис Бога, Его самоуничижение, самоумаление: перспектива сужается, Господь умалывается до Младенца, небо уменьшается до пещеры, Престол – до чрева Марии, а ясли, кормушка для животных, становятся способными вместить Невместимого. Такова словесная, гимнографическая икона праздника, в которой, подобно писаной иконе, перспектива сужается на зрителях этой рождественской сцены: каждый верующий становится непосредственным участником евангельского события.

Из рассмотренных текстов следует, что поэтический прием обратной перспективы как прием организации текстового пространства не только выполняет собственно поэтическую функцию, но и является своеобразным выражением богословских размышлений: Рождество – это праздник явления Бога как человека,

явления Бога на земле; в богословском смысле это – кенозис, то есть добровольное самоумаление Бога. Поэтому обратная перспектива – адекватное поэтическое средство для выражения кенозиса: небеса спускаются на землю, сужаются до размеров пещеры (*небо – вертеп*), небесный Престол, на который не могут взирать Херувимы, теперь на земле – это Дева Мария, еще точнее – ее лоно, вместившее Господа.

Гимнографические тексты выполняют герменевтическую функцию, поэтому важно исследование гимнографии с точки зрения не только истории, но и поэтики, так как именно поэтика является ключом к постижению богословских истин. Кроме того, анализ поэтики текста песнопений дает возможность понять то, каким образом развивалась мысль, например, византийцев, каким образом ими воспринимался мир реальный и мир священной библейской истории. Анализ текстов песнопений также имеет культурологическое значение: в западнохристианских текстах на Рождество Христово подчеркивается преображение этого мира – Господь пришел в мир, поэтому мир преобразился, мир спасен. В текстах восточнохристианских, в частности, славяно-византийской гимнографии, что были рассмотрены выше, акцентируется именно кенозис, самоумаление Бога, в котором выразилось Его безмерное милосердие к миру. Таким образом, язык, текст выражает определенные смыслы, важные для определенного типа культуры.

Список литературы

1. Волкова, А.Г. Языковая репрезентация события : прием перечисления в византийской церковной поэзии / А.Г. Волкова // Язык и культура. – Томск, 2014. – № 4 (28). – С. 5–16.
2. Канонник. – Санкт-Петербург : Сатисъ, 2004. – 462 с. Текст рождественского канона на церковнославянском языке цитируется по этому изданию.
3. Красовицкая, М.С. Литургика / М.С. Красовицкая. – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2008. – 303 с.
4. Раушенбах, Б.В. Геометрия картины и зрительное восприятие / Б.В. Раушенбах. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2002. – 320 с.
5. Флоренский, П.А. Имена : сочинения / П.А. Флоренский. – Москва : Эксмо, 2006. – 896 с.

UDC 82-98; 801-731

**CHRISTMAS HYMNOGRAPHY:
AN APPROACH TO LINGUISTIC
AND CULTURAL ANALYSIS****Anna G. Volkova**

PhD of Philology,

Vice-rector for research,

Associate Professor

of Chair of History and Church Sciences,

Kaluga Theological Seminary

E-mail: kds-nauka@eparhia-kaluga.ru

For citation: *Volkova, A.G.* Christmas Hymnography: An Approach to linguistic and cultural analysis // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2019. Issue 8. P. 208–214.

Abstract

The main point of this article is to study hymnography texts of the service of Christmas. Troparion, kontakion and kanons are analyzed as an attempt of expressing the meaning of the feast. One of the main poetical methods here is “non-linear perspective”: it’s a way that has got also theological meaning, way to show the Nativity as God’s free-will self-humiliation. One of the main points is that some specific features of Christian culture are found in hymnography i.e. the reception and interpretation of events of the New Testament are expressed in language and poetical means.

Keywords: hymnography; kanon; martyr; metaphor; poetics; Christmas.

References

1. *Volkova, A.G.* Language representation of the event: a method of enumeration in Byzantine church poetry // Language and Culture. Tomsk 2014, No. 4 (28). Pp. 5–16. (in Russian)
2. The canon. SPb.: Satis, 2004. The text of the Christmas canon in Church Slavonic is cited from this edition. (in Russian)
3. *Krasovitskaya, M.S.* Liturgy. M.: PSTGU, 2008. 303 p. (in Russian)
4. *Rauschenbach, B.V.* The geometry of the picture and visual perception. St. Petersburg: ABC classic, 2002. 320 p. (in Russian)
5. *Florensky, P.A.* Names: Works. M.: Eksmo, 2006. 896 p. (in Russian)